

В. А. Шумилов

**ИСТОРИЯ
ГЕОГРАФО-ГЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОСВОЕНИЯ
СИБИРИ
И СЕВЕРА
РОССИИ**

Владимир Шумилов

**История географо-геологического
освоения Сибири и Севера России**

«Языки Славянской Культуры»

2005

ББК 26.3

Шумилов В. А.

История географо-геологического освоения Сибири и Севера
России / В. А. Шумилов — «Языки Славянской Культуры», 2005

ISBN 978-5-9551-0086-5

В книге прослеживается становление горно-геологической деятельности в стране с древнейших времен на фоне географического формирования Российского государства, с акцентом на освоении Севера и Сибири. Показаны особенности, достижения и недостатки в организации эксплуатации недр в различные эпохи: в допетровской России. Российской империи, в Стране Советов и постсоветской Российской Федерации. Рассказано о замечательных людях в этой истории: руководителях высших государственных ведомств и крупных производственных структур, ученых, рядовых геологах и других россиянах – участниках северных, сибирских, дальневосточных экспедиций, открывателях и исследователях новых земель и месторождений полезных ископаемых. Книга излагается общедоступным языком, без углубления в специальную геолого-техническую терминологию, с сохранением, однако, анализа острых проблем новой России. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ББК 26.3

ISBN 978-5-9551-0086-5

© Шумилов В. А., 2005

© Языки Славянской Культуры, 2005

Содержание

Предисловие	7
Что такое Российский Север?	10
Древние народы и горные промыслы Сибири и Севера Европейской России	15
Военные, торговые и промысловые походы россиян в период становления Российской Империи (XI–XVII вв.)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Шумилов

История географо-геологического освоения Сибири и Севера России

Владимир Аввакумович Шумилов, инженер-геолог, участник ряда экспедиций по геологической съемке и поискам полезных ископаемых в заполярной Большеземельской тундре, Приполярном и Южном Урале, Чаткальском хребте Тянь-Шаня, бурения на нефть у борта Ферганской долины и в Татарстане. Работал главным геологом Управлений по повышению нефтеотдачи пластов и капитальному ремонту скважин в Татарстане и Западной Сибири, на Ромашкинском и Самотлорском месторождениях.

Кандидат геолого-минералогических наук, автор многочисленных научных трудов.

В настоящее время работает в ОАО «Российская инновационная топливно-энергетическая компания» (РИТЭК).

«Дерзаниями многих тысяч россиян в прошедшие века пройдены, указаны и осмыслены пути к бесчисленным природным кладовым нашей суровой и необъятной Родины...

Как то распорядятся потомки богатствами ее недр?..

В этом и тяжелый их Крест, их Совесть, в их руках – грядущее Величие России...»

Владимир Аввакумович Шумилов

Предисловие

Предлагаемая «История географо-геологического освоения Сибири и Севера России» – это собрание исторических сведений становления горно-геологической службы в России из целого ряда исторических публикаций, энциклопедических и официальных архивных источников.

Книга воздает дань мужеству, профессионализму, жажде открытий, патриотизму многих поколений россиян – рудознатцев, геологов и географов, чьими трудами на Европейском Севере, Сибири, на Дальнем Востоке, в Арктике была создана и продолжает создаваться богатейшая в мире минерально-сырьевая база страны. В книге прослежена хронология развития важнейших минерально-энергетических комплексов Северных регионов страны.

«У истории, если это не фантазия человека, не может быть автора», – говорит Владимир Аввакумович Шумилов. Себя он считает лишь составителем. При работе над книгой он обращался ко многим источникам, начиная со сведений от Геродота, для которого уже падающие снежинки у Каменного Пояса были дивом, от летописца Нестора и Карамзина...

Будучи геологом, составитель пытается в книге проследить историю своей профессии, отмечая ее первые древнейшие ростки. Знание особенностей камней и горных пород, поиск их по характерным отличительным признакам, особенные приемы и навыки их обработки требовались уже для изготовления каменных орудий в эпоху неолита и бронзы, то есть за несколько тысячелетий до нашей эры. Археологические исследования отвечают с уверенностью, что Сибирь издавна населяли племена, способные находить в окружающей их сибирской же природе полезные камни и руды. Соответствующим образом обрабатывая их, древние мастера сибирские изготавливали необходимые предметы быта и оружие, а к началу XVII в., например, население Томского Приобья уже полностью освоило железоделательное производство, с поставками для артиллерии. Не будь этих рудознатцев, каким образом, по Карамзину, «...восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала (бы) Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных... Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки...» и кто снабжал их предметами быта, оружием и снаряжением для охоты и войн?

Геология и география неразрывно связаны между собой. Большинство путешествий, самых известных географических и военных походов и плаваний издавна совершались с целью поиска новых мест и надеждой на открытие там залежей наиболее ценных в то или иное время полезных ископаемых.

Колыбелью горной промышленности в России можно считать Пермский край: с Чусовских городков, с Соли Камской (в 1721 г. в Соликамске насчитывалось уже 12 000 дворов, тогда как, например, в Красноярске только 27 дворов), со знаменитого серебра Закамского, известного по многим летописям... В книге описаны сведения из Карамзина – Нестора о Пермии (Биармии) – независимой стране начала второго тысячелетия новой эры с территорией равной двум Франциям, – объединявшей земли нынешних Пермской области, Архангельской, Республики Коми и части Югры, свободно торговавшей с финнами, с новгородцами, с викингами (норвежцами) и другими народами.

Негодую вместе с Карамзиным против жестокостей в поощрении походов «вольницы» по присоединению новых северных и восточных земель, составитель показывает определенную неизбежность в реальной политике царей. Шел век великих географических открытий – в 1492 г. Христофор Колумб высадился в Америке, в 1497–1499 гг. Васко да Гама открыл морской путь в Индию, шла колонизация европейскими государствами неизвестных им стран и материков. Обо всем этом, без сомнения, рассказывали послы различных европейских госу-

дарств на царских приемах. И любого из Российских царей, услышавших все это, мог также захватить вселенский ажиотаж по разделу мира.

От древнейших книга переходит к временам, когда геологической «горячкой» в XVII в. в России были «заражены» буквально все слои и сословия общества. Как сейчас ходят по грибы, так когда-то бродили по местности в поисках выходов руд и редких камней, а первые весьма немногочисленные «организованные» рудознатцы из «Приказа Рудокопных дел» лишь ездили на осмотр многочисленных находок населения, чтобы подтвердить или опровергнуть их ценность.

Так последовательно по главам книги прослежен весь путь становления горно-геологической службы государства, ее деятельность и роль до наших дней по освоению Европейского и Азиатского Севера страны, Сибири и Дальнего Востока. Дается краткая история жизни и деятельности сменявшихся руководителей горно-геологического ведомства Российской Империи (Берг-Коллегии, Горного Департамента, Корпуса Горных Офицеров и последующих ведомств) и крупнейших ученых. Приводятся предметные упоминания о деятельности сотен геологов – первопроходцев, поисковиков, первооткрывателей, разведчиков, кто не пером, а своей жизнью и трудом писал историю развития Сибири, Северных и Восточных окраин Государства Российского, осваивал Арктику.

Многогранно и само отношение к Северу и Сибири, которым столько лучших россиян посвятили свои годы, а многие оставили свое здоровье и даже жизни. Климат, труднодоступность нашего Севера, Сибири – это и природный щит государства, который неоднократно за тысячелетия сыграл, быть может, решающее значение для выживания народа и государства при самых жестоких нашествиях. Суровые и часто неприглядные условия Российского Севера хранили для государства энергетические и минеральные ресурсы, хранили до тех пор, пока человечество не подходило к необходимости и практической возможности их взять. «А что бы мы имели сейчас в своей перспективе, положи Природа Матушка свои дары с возможностью их легко взять, с нашей то Российской щедростью по вывозу природных богатств!?» – восклицает составитель.

В книге впервые за более чем 300-летнюю историю горногеологической службы России дана хронология подавляющего большинства законодательных установлений этого ведомства, начиная с первых указов Петра Великого. Составитель кропотливо изучал их в архивах Пермской областной библиотеки, единственной, которая сегодня, в год публикации данной «Истории...» еще может удивить полнотой и хорошей сохранностью документов (с 1649 г.). Это, по видимому, закономерно. Именно в Перми (до становления Екатеринбурга) находилось главное управление горными промыслами и горными заводами России. Читатель имеет возможность подробно ознакомиться с любым заинтересовавшим его указом или статьей в архивах – в книге они сопровождаются датой выхода указа, и его номером, и номером статьи, а порой и пункта указа, с кратким изложением тематики. В предисловии к «Полному Собранию Законов Российской империи» его составители справедливо подчеркнули: «Законы отображают внутреннюю жизнь Государства: в них видно, как нравственные и политические его силы складывались, прогрессировали и изменялись. История Государства без познания Законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так же как, с другой стороны, и Законы без Истории часто могут быть не понимаемы».

В числе указов из различных этапов российской истории читатель может найти в предлагаемой книге и весьма поучительные и актуальные сведения для текущей жизни России. Както в телевизионном выступлении в 2004 г. президент В. В. Путин, отметив, что число выпускников школ практически равно числу поступающих в высшие учебные заведения, воскликнул с досадой: «Я не понимаю, кому это нужно!». (Его досада была явно по поводу понизившихся требований к уровню знаний.) А как часто мы вспоминаем высокий уровень инженеров «старой школы»? Книга дает наглядный ответ по этому поводу на примере требований подготовки

горных инженеров в Горном кадетском корпусе XIX в. Приводимый в ней высочайше утвержденный Устав этого учебного заведения, в частности, гласил, что в Горный кадетский корпус принимались обучавшиеся в школах при горных заводах, «имеющие от роду не менее 12 лет и приуроченные уже в первоначальных науках, в том числе арифметике, чтению и письму российскому, немецкому и французскому, рисованию и проч.». Найдём ли мы сегодня в России детей 12 лет, подготовленных аналогичным образом?

Хочется порекомендовать книгу самому широкому кругу читателей. При неторопливом прочтении она может быть интересна многим, вне зависимости от возраста, профессии, политических и многих других пристрастий. Главы о географических, геологических и промышленных экспедициях полезно читать, вооружившись также и картой.

Пожелаем же этой «Истории...» счастливого пути! И пусть не думает молодежь, что все уже открыто, исхожено и изучено. Конечно, все меньше и меньше неизвестного и не исхоженого на поверхности – ну так это же только на поверхности! На поверхности земли, акваторий, на поверхности теорий и любых знаний! Пусть же память об упомянутых и неупомянутых героях этой книги воодушевляет молодежь на покорение новых рубежей в глубинах недр земли, океанов, решения бесчисленных остающихся загадок окружающего мира!

Несколько слов надо сказать о самом авторе этой книги – Владимире Аввакумовиче Шумилове, которого автор предисловия знает многие десятилетия, в том числе по совместной работе на промыслах Татарии.

Как специалист, В. А. Шумилов представляет великолепный сплав профессионального нефтяника, исследователя-ученого и объективного непредвзятого историка.

На промыслах Татарии молодой инженер входил в элиту первоклассных производственников. Работая на одном из самых трудных участков нефтяного дела – подземном и капитальном ремонте и эксплуатации скважин, – Владимир Аввакумович

отличался и как ученый-исследователь. Первые его книги относятся к той далекой поре.

В последние годы В. А. Шумилов провел большую аналитическую работу по отбору и классификации передовых технологий для различных геологических, реологических и температурных условий разработки недр. Им совместно с коллегами составлен Банк новых технологий, включающий 1500 современных методов повышения нефтеотдачи и уровня эксплуатации скважин.

Сегодня этот прямой и честный исследователь радуется нас новой работой.

Валерий Грайфер. Академик горных наук, профессор

Что такое Российский Север?

Моей жене Тамаре этот труд с благодарностью посвящаю.
Владимир Шумилов

Что такое Российский Север? Как очертить условными границами это пространство, чтобы читатель мог погрузиться в атмосферу исторических воспоминаний, исходя из географических и административных определений сегодняшнего дня? И почему о Севере в государстве Российском надо говорить особо?

Кто намерен жить в своей стране и желает ей благополучия, должен устраивать свою жизнь и помогать развиваться государству сообразно его природным условиям.

Природно-климатические условия большей части территории Российского государства на 3–5 тысяч лет отделили начало развития здесь цивилизации от периода ее зарождения в Китае, на Среднем Востоке и в Средиземноморье.

Наши северные территории миновали или почти не затронули самые жестокие и опустошительные нашествия в истории человечества, пути которых, по существу, как раз и намечают южные пределы, за которыми простирается описываемый нами Север.

Хотя предки Аттилы и скитались на берегах Енисея, однако гунны избрали более благоприятные страны для своих завоеваний. Они прошли в III в. и. э. из северных областей Китая «через неизмеримые степи до юго-восточной России» и в 377 г., истребляя все огнем и мечом, устремились к Алану – между Каспийским и Черным морем, а затем покорили восточных готов и Римские владения в Европе. «Сии завоеватели во времена Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до Балтийского моря».

Чингиз-хан, начавший первые походы из своего стана близ истоков Амура (всего в 200–300 км от нынешней границы России), устремился, что понятно, не к Забайкальским хребтам, а на юг. Покорив Китай, затем он прошел через Алтай в Среднюю Азию и к Каспийскому морю через половецкие степи. Разгромив на Калке (близ нынешнего Мариуполя) соединенные войска русичей и половцев, преследуя бегущий остаток русского войска до Днепра и, по свидетельству Карамзина – Нестора, уже «не находя ни малейшего сопротивления, полководцы Чингиз-хана вдруг обратились к (Юго) Востоку», на соединение с Чингиз-ханом в Великой Бухаре.

Батый завоевал ряд областей Польши, Венгрии, Хорватию, Сербию, Молдавию, Румынию, Дунайскую Болгарию, Кавказ, а из ныне российских и украинских территорий – русские княжества в пределах Крыма, Восточно-Европейской равнины, Поволжья, Дона и Половецкие земли, так же не забираясь далеко на Север.

Тамерлан, в 1360 г. взошедший на престол Империи Чагатайских Моголов, овладев восточными берегами Каспийского моря, древним Ираном, превратив в пепелища Багдад, Дели и Дамаск, обложив данью Египет и Османскую империю и др., и будучи уже «Монархом двадцати шести стран в трех частях мира», жил в Самарканде, и лишь не преднамеренно, а чтобы «наказать» другого потомка Чингиз-хана – хана Золотой Орды Тохтамышша – забрел с войсками в более северные широты. Четыре месяца он с войском шел из Самарканда на Север, но, достигнув 50-й широты, остановил войска, после чего повернул на Запад к берегам р. Урал. Там вскоре он разбил многочисленную рать Тохтамышша и вступил в русские земли, преследуя убегающие войска хана-ослушника. Достиг Саратовских степей, взял Елец, и, по свидетельству Карамзина и персидского историка Шерефеддина, «усыпая трупами поля в России», собирался далее вести свои несметные полки (по слухам, 400 000 моголов) к Москве, где уже молились в церквях и готовились к христианской смерти «без надежды отразить силу силою». Но вдруг Тимур «остановился, обратил свои знамена к Югу и вышел из Российских владений».

Для случая с Тамерланом Н. М. Карамзин приходит к весьма объективному выводу, без «красивых утопий»: «...сокровища, найденные ими (Моголами Чагатайскими) в Ельце и в некоторых городках рязанских, не удовлетворяли их корыстолюбию и не могли наградить за труды похода в земле северной, большей частью лесистой, скудной паствами (пастбищами) и в особенности теми изящными произведениями человеческого ремесла, коих употребление и цену свести Татары в образованных странах Азии. Наступала дождливая осень, с людьми, обывшими (привыкшими) кочевать в местах плодоносных и теплых, благоразумно ли было идти и далее к Северу, чтобы встретить зиму со всеми ее жестокостями?» То, что этот фактор, предположенный Н. М. Карамзиным, был главным, подтверждается поведением русских войск. «Сия весть радостно изумила наше войско. Никто не думал гнаться за врагом... Юный государь (Великий Князь Василий Дмитриевич) мог бы приписать спасение отечества великодушной своей твердостью, но вместе с народом приписал оное силе сверхъестественной...»

Будем чистосердечны. Этой же причиной объясняется и упомянутый выше как бы неожиданный поворот на Юг Чингиз-хана после его победы на Калке. Холода российские не могли не сыграть значительную положительную роль и в поражении Наполеона в России, и в разгроме фашистской Германии. Это отнюдь не отрицает массового героизма наших солдат и не дает оснований возникновению у нас дискомфорта при правильно понимаемом чувстве самолюбия. Более того, на взгляд составителя данной «Истории...», мы можем даже радоваться такому обстоятельству, такому природному хранителю Российского государства.

Во всяком случае, как было уже сказано, география всех перечисленных нашествий (или первоначальных планов неудавшихся завоеваний) обтекает с юга границы Российского Севера, к которому в этой книге мы относим территории Крайнего Севера и приравняемые к ним обширные территории Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока.

Если следовать с Запада на Восток по всему нынешнему пространству Российского государства, рассматриваемый нами Север включает, прежде всего, территорию Мурманской области, где вдоль побережья Баренцева моря и горла Белого моря тянется полоса тундры. Тундровой растительностью покрыты и возвышенные внешние части Кольского полуострова. Большая часть области занята лесотундрой.

Далее к востоку следуют обширные территории Архангельской области с Ненецким автономным округом, включающие Малоземельскую и Большеземельскую тундры, Тиманский кряж, а также прилегающие акватории и острова Белого, Баренцева (с Печорским) и Карского морей.

Несомненным Севером является и большая территория Республики Коми, в которой располагаются хребты Северного, Приполярного и Полярного Урала, часть Большеземельской тундры и Тиманский кряж. Почвы, как и во многих других территориях Севера России, здесь представлены подзолистыми, дерново-подзолистыми и торфяными разновидностями, как известно, неблагоприятными для растений.

В Западном Приуралье – Пермской области, к рассматриваемому нами Северу Российскому могут быть отнесены северные территории, в том числе Коми-Пермяцкого автономного округа (ныне административно объединяющегося с Пермской областью в Пермский край).

На Уральских горах и далее на восток за Уралом пространство Севера резко расширяется на юг, сообразуясь с распространением зоны многолетней мерзлоты.

В Тюменской области территория Севера охватывает главным образом огромные пространства Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Южная граница арктического пояса здесь проходит через северную часть Ямальского и Гыданского полуостровов немного севернее 71-й параллели. К субарктическому поясу относится подзона типичной тундры, этот пояс простирается на юг до 65-й широты. Территория распространения многолетней мерзлоты в Тюменской области составляет до 600 тыс. кв. км, вплоть до широтного течения р. Обь. Причем, по данным бурения, в этой полосе ископаемые льды прослеживаются

до глубины 350 м. К этому региону Севера России относится и омывающее его берега Карское море с островами.

Переходя к рассматриваемому нами пространству Севера из Западной в Восточную Сибирь, видим, что уже за Енисеем зона распространения многолетней мерзлоты вновь и наиболее резко увеличивается, вплоть до южной границы России. Это следует связывать с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что Полюс Холода северного полушария Земли отнюдь не совпадает с географическим Северным Полюсом, а расположен именно в континентальной зоне Восточной Сибири. Во-вторых, с тем, что в сравнении с низменной Западной Сибирью Восточная Сибирь – горная страна.

Многолетняя мерзлота распространена в большей части Красноярского края с его Таймырским, Эвенкийским автономными округами и островами Северной Земли, разделяющей акватории Карского моря и моря Лаптевых. В Таймырском и Эвенкийском автономных округах, охватывающих территорию области почти до 58-й параллели, многолетняя мерзлота развита повсеместно.

Северная часть Иркутской области охватывает часть Средне-Сибирского плоскогорья и включает Патомское нагорье, характеризующиеся весьма холодной продолжительной зимой и широким распространением многолетнемерзлых пород.

В Республике Саха (Якутия) в районе Верхоянск – Оймякон расположена область самых низких температур в Северном полушарии. Повсеместно в республике распространены многолетнемерзлые породы, горные тундры, тундровые и горно-тундровые почвы, бедные доступными для растений азотом, фосфором, калием и микроэлементами. Республика Саха – горная страна, основную часть ее территории занимают восточная часть Средне-Сибирского плоскогорья, Алданское плоскогорье и обширные горные системы – Верхоянский хребет, хребет Черского с высотами более 3 000 м и др. В горах распространены оледенения и долинные ледники.

Территорией Российского Севера, относящейся к Республике Саха, являются и Новосибирские острова между акваториями морей Лаптевых и Восточно-Сибирского Северного Ледовитого океана.

Преобладанием горного рельефа, горно-таежных, горно-дерновых, горно-тундровых почв, суровой продолжительной зимой и распространением многолетней мерзлоты характеризуются Республика Бурятия и Читинская область с ее Агинским Бурятским автономным округом.

К Дальневосточной части Севера Российского относим Чукотку, Камчатку, Магаданскую область, северные части Амурской области и Хабаровского края, Сахалинскую область, а также омывающие эти территории акватории морей.

На Чукотке с ее суровой долгой зимой и холодным коротким летом повсеместно распространена многолетняя мерзлота, горно-тундровые почвы и тундровая растительность. Повсеместно (кроме Охотского побережья) развита многолетняя мерзлота и в Магаданской области (с Чукотским автономным округом). В Амурской области подобными условиями характеризуется северная часть, а в Хабаровском крае – северо-западная, горная, с хребтами Становым, Сетте-Дабан и Алданским плоскогорьем.

На Камчатке субарктическим климатом характеризуется северная половина полуострова, относящаяся к Корякскому автономному округу. Здесь также развиты горно-тундровые почвы и тундровая растительность.

В очерченном нами территориально условном Российском Севере большую часть занимают территории Крайнего Севера и приравненные к ним местности. По определению, принятому правительством СССР в 1985 г., к ним относятся:

1. Все острова Северного Ледовитого океана и его морей, а также острова Берингова и Охотского морей.
2. Мурманская область.

3. В Архангельской области – Ненецкий автономный округ, г. Северодвинск с примыкающей территорией, а также Лешуковский, Мезенский и Пинежский районы.

4. Большая часть территории Республики Коми севернее 62-й параллели.

5. Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа Тюменской области.

6. В Томской области – районы по течению Оби от г. Стрежевой до г. Колпашево, а также по притокам Оби рекам Бакчару и Кети.

7. По Красноярскому краю – Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа, гг. Игарка, Норильск, Енисейск и Лесосибирск с прилегающими территориями, Туруханский и Северо-Енисейский районы, а также районы в бассейне р. Ангары – Мотыгинский, Богучанский и Кежемский.

8. Республика Саха, Магаданская, Камчатская и Сахалинская области.

9. В Иркутской области – территории в бассейне р. Нижней Тунгузки и истоков р. Катанги, а также районы Бодайбинский, Братский, Казачинско-Ленский, Киренский, Мамско-Чуйский, Нижнеилимский, Усть-Илимский и Усть-Кутский.

10. В Республике Бурятия – Северо-Байкальский и Баунтовский (окрестности оз. Баунт) районы.

11. В Читинской области— территория к северу от 53-й параллели в бассейнах рек Калара, Олекмы, Тунгира, а также Тунгокоченский район.

12. В Хабаровском крае— Аяно-Майский и Охотский районы (территория края к северу от 55-й параллели в бассейне р. Мая с центрами Аян и Охотск), а также около 15 районов, в основном севернее 50-й параллели, на территории, занятой горными хребтами.

13. Северная и северо-восточная части Амурской области в среднем и верхнем течении р. Зеи, а также в бассейнах ее притоков Селемджи, Гилюя и Нюкжи (Тындинский, Зейский и Селемджинский районы).

14. В Приморском крае – районы на склонах хребта Сихотэ-Алинь и прилегающих территориях.

Пространства суши, отнесенные полностью или частично к Крайнему Северу и приравненным к нему территориям, занимают площадь порядка 10,375 млн кв. км, республики и области, их включающие— 12,438 млн кв. км, они же, вместе с остальными административными подразделениями Федерации в Западной и Восточной Сибири— более 13,453 млн кв. км, что от общей площади государства (17,0754 млн кв. км) может составлять соответственно 60,7 %, 72,8 % и 78,8 %.

Когда оглядываешь в целом нарисованную «зябкую» картину пространства Российского Севера, становится понятно, почему не сюда стремились древние завоеватели-кочевники, с которыми вместе часто следовали их стада, семьи и весь их быт.

В последние два-три десятилетия так называемое «глобальное потепление» существенно меняет климат. И этим природным изменениям (как и изменениям названий населенных пунктов и природных объектов), вероятно, будут посвящены еще десятки и сотни трудов современных ученых (географов, ботаников, климатологов, почвоведов, экологов и др.). Мы же пишем историю узнавания и освоения Российских пространств и недр в течение ряда веков, и нам важно показать как бытовавшие тогда административные порядки, установления, общественные отношения, так и тогдашнюю оснащенность экспедиций, и те, нередко «девственные», природные условия, в которых действовали многочисленные герои нашей книги.

Суровые и часто неприглядные условия Российского Севера хранили для государства главные и несметные богатства этих территорий и акваторий – богатства недр, топливно-энергетические и минеральные ресурсы, хранили до тех пор, пока человечество не подходило к необходимости и практической возможности их взять.

И если раньше Аттила и Чингиз-хан с потомками стремились к овладению южными странами, изобилующими плодами субтропической природы, то сегодня знатнейшие и бога-

тейшие державы мира с вождением мечтают и строят планы использования в своей экономике запасов подземных кладовых Российского Севера. И можно с большой долей уверенности утверждать, что с Россией в международных делах продолжают считаться (несмотря на все наши проблемы) главным образом потому, что рассчитывают в долгосрочной перспективе на богатства недр нашего Севера. Уже десятилетия природный газ Ямало-Ненецкого автономного округа согревает и освещает страны Центральной и Западной Европы. Экспортируется нефть месторождений Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Коми и Сахалина, уголь и минеральные богатства Сибири. На природный газ Западной и Восточной Сибири в ближайшем будущем рассчитывают также Турция, Япония, Корея и Китай...

Так не великое ли это благо от матушки природы, что она до поры до времени придерживает свои дары, запасы, нужные нам как для собственного потребления, так и для обмена на другие наши нужды? И, быть может, не случайно природа расположила громадные источники тепла в нашем суровом краю – ведь страна должна вечно продолжать обустривать все свои территории. А положи она, матушка природа, все имеющиеся у нее дары перед россиянами с возможностью легко их взять, так с нашей-то российской щедростью по экспорту сырья мы многое бы уже растранили и вряд ли имели бы сегодня что-то в своей перспективе!

Хочется заметить также, что суровые условия Российского Севера не могут не объяснять и не определять и свой «нестандартный» путь развития страны. Во всяком случае, здесь вряд ли подойдет опыт малых стран с благодатным климатом, куда так любят ездить с изучением их реформ наши парламентарии. Положительной может стать роль этого фактора, в качестве сдерживающего, и в слишком активном наступлении новых времен на нравственные устои нашего народа.

Именно сейчас, на пороге веков и тысячелетий, фатально совпавшем с эпохой, быть может, нового «великого перелома» в истории России, приходится вновь задуматься о дальнейших шагах по «прирастанию России Сибирью» и концепции этого процесса. Север зовет всех нас к действию самими проблемами страны. К этому же призывает нас и память многочисленных потомков россиян, посвятивших свои жизни и свои труды изучению, освоению и развитию Российского Севера в ушедшем тысячелетии.

Древние народы и горные промыслы Сибири и Севера Европейской России

Археологические находки из Подмосковья, Якутии, Забайкалья, Красноярского края не позволяют утверждать с уверенностью, что навыки в освоении Российского Севера, в первичном налаживании быта людей в Сибири и на Дальнем Востоке пришли из Центра Восточно-Европейской равнины.

Как известно, заселение человеком территории современной Москвы относят к эпохе неолита (III–II тыс. до н. э.). В те времена здесь на берегах реки располагались стоянки охотников и рыболовов. А первые славянские памятники – погребения – относятся к VI в. н. э. (Мы не упоминаем здесь нередкие в новое время разного рода «сенсационные» телевизионные предположения, вероятно, требующие всегда более обстоятельной проверки.)

Тем же самым, а быть может, еще более ранним временем (IV–II тыс. до н. э.) датируется так называемая байкальская культура – неолитическая культура, отмеченная в археологических раскопках в Прибайкалье и в бассейнах Ангары, Енисея и Лены. Раскопки отражают несколько этапов неолитической культуры: хиньский, исаковский, серовский, китайский. На более ранних этапах население занималось охотой на таежного зверя, позднее также рыболовством.

В Прибайкалье известна Глазковская культура II тыс. до н. э. В раскопках найдены рыболовные крючки, ножи из бронзы, украшения из бронзы, перламутра, нефрита.

Со временем первых известных поселений на месте нынешней Москвы (III–II тыс. до н. э.) соотносится и так называемая Амурская культура – неолитическая культура, найденная раскопками советских археологов в 40–50-х гг. XX в. в бассейне р. Амур. Племена занимались преимущественно рыболовством, жили большими поселениями в землянках. При раскопках были найдены ножи, наконечники стрел, лампы-жировки, глиняная посуда с орнаментом.

Древнейшие следы человека на территории Республики Саха относятся к верхнему палеолиту (более 13 тысяч лет назад).

Что касается региона Урала, напомним хотя бы об известном Горбуновском торфянике – раскопках близ Нижнего Тагила, где были обнаружены стоянки эпохи неолита и бронзы III–II тыс. до н. э. Оpoznано множество изделий из дерева: весла, жом для отжима растительного масла, полозья саней и пр.

Таким образом, двигаясь в своей истории на Север и Восток, россияне проникали, в сущности, на давно заселявшиеся территории.

Перейдем, однако, к временам, известным нам по первым дошедшим до нас летописям.

Согласно Н. М. Карамзину, по сказанию Геродота, писавшего за 445 лет до Рождества Христова, на Северо-Восток от Дона, Днепра и степей Астраханских, заселенными скифами, сарматами и другими племенами, за густыми лесами начинались каменистые горы (Уральские) и страна людей, которые, по описанию Геродота, названы Карамзиным калмыками.

Другие описания Геродотом северных территорий отрывочны и малоинформативны. Кроме того, по-видимому, его сведения не касались высоких северных широт, поскольку сам падающий снег и лед на земле или воде он описывает как нечто дивное.

Поэтому перейдем сразу к летописям Нестора (в пересказе и комментариях Н. М. Карамзина), и также только в той части, где речь заводится о неславянских народах, издавна проживавших на территории нынешней России, и о взаимоотношениях славян, русских с этими народами.

Появление первых древних городов славянских (Новгорода, Киева и др.), согласно этим летописям, относится к первым векам н. э. Другие древние славянские города (Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов) летописцем объявляются построенными не позднее IX–X в.

«Кроме народов Славянских, – читаем у Карамзина – Нестора, – жили тогда в России и многие иноплеменные: *Меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переяславском; *Мурома* на Оке, на юго-восток от Мери; *Ливь* в Ливонии, *Чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *Нарога* там, где Нарва; *Ямь* или *Емь*, в Финляндии; *Весь* на Белеозере; *Пермь* в губернии сего имени; *Югра*, или нынешние Березовские Остяки, на Оби и Сосьве; *Печора* на реке Печоре».

Карамзин говорит, что, хотя многие из этих народов в последующем смешались с россиянами и исчезли, но другие сохранились и поныне, и языки их настолько сходны между собой, что позволяет их объединять в группу *Финских* (а ныне мы говорим *финно-угорских*) народов. К ним он относит «...ныне здравствующих Лапландцев (или саамов, лопарей, живущих в Мурманской области), Зырян (Коми), Остяков Обских (Хантов), Чувашей, Вотяков (Удмуртов)...» Ссылаясь также на Тацита, летописующего еще в первом столетии н. э., а также на позднейших шведских историков и Гроция, Карамзин говорит, что даже Норвегия, Швеция и Дания когда-то ранее были населены этими народами, на Восток их расселение простиралось до Урала, Волги и Сибири, на Север – до Ледовитого Океана.

«Не знаем, когда они в России поселились, но не знаем также и никого старобитнее (исключая, таким образом, и славян) в северных и восточных ее климатах». Нестор упоминает, что древняя история скандинавов говорит о двух особенных, *вольных и независимых* (то есть не платящих никому дани) странах этих народов: Кириаландии и Биармии.

Первая из них простиралась от Финского залива до Белого моря.

Вторая, Биармия, гранича на западе с первой, занимала обширное пространство от р. Шексна, Онежского озера и Белого моря на западе до меридиана р. Печора в ее верхнем течении, а в пространстве между 55-й и 61-й параллелями смыкалась восточной границей с цепью Уральских гор, с юга граничила со странами волжских болгар, черемисов (мари) примерно по 57-й параллели, а затем с муромой и мерью с границей по р. Волга в ее верхнем широтном течении. На север пространство Биармии простиралось до берегов Баренцева моря.

«Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии», – пишет Н. А. Карамзин. В связи с этим сегодня нам удобнее по созвучию называть эту древнюю страну Пермией. Древняя Пермия, таким образом, включала территории Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерний (на время Карамзина), что может соответствовать огромной территории, принадлежащей по нынешнему административному делению Вологодской, Костромской, Кировской, Пермской областям, а также большей части Архангельской области и Республики Коми с общей площадью равной двум Франциям.

Самое раннее свидетельство о Пермии известно от норвежского морехода Отера, который в IX в. доплывал до устья Северной Двины, слышал от жителей многое об этой стране и говорил, что народ Пермии многочислен и имеет один язык с финнами.

На востоке Пермия соседствовала с Печорой, расселившейся между р. Печора и Уральскими горами. За Уральским хребтом селились Югорские племена (Югра) – на территории, согласно схематической карте, приводимой Н. М. Карамзиным, между реками Сосьва и Северная Сосьва, соответственно, на юге и севере, и между Уральским хребтом и Обью – соответственно на западе и востоке.

Впрочем, эти сведения по Югре могут быть не совсем точны. Согласно Советской энциклопедии, Югра (Угра, Егра) – название предков хантов (остяков) и отчасти манси (вогулов), а также земель Северного Урала по обоим его склонам (от Печоры до бассейна левых прито-

ков Оби). По-видимому, упомянутая нами выше Печора – название племен, также имевших отношения к югорской группе.

Народов из более южных территорий можно коснуться в нашем изложении лишь затем, чтобы к угорской составляющей финно-угорских племен, хотя бы мельком, упомянуть о тех племенах, которые в последующем осели в Центральной Европе. Изучая летописные материалы и другие источники, Н. М. Карамзин писал: «Восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжении многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных... Все они были кочующие, все питались скотоводством и звериной ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки – и все они исчезли в Европе, кроме Угров и Турков».

Эта фраза историка – лишнее свидетельство тому, что территории за Уралом в первом тысячелетии были населены многими кочующими племенами.

Но зададимся вопросом, кто же снабжал их предметами быта, оружием и снаряжением для охоты и войн?

Археологические исследования отвечают с уверенностью, что Сибирь издавна населяли племена, способные находить в окружающей их сибирской же природе полезные камни и горные породы. Соответствующим образом обрабатывая их, древние мастера сибирские изготавливали необходимые предметы быта и оружие.

Кочующие племена могли и в своем составе иметь рудознатцев и мастеров, или же эти последние стремились постепенно становиться оседлыми и торговать продуктами своего труда, как вывозя их в другие местности или племена, так и принимая «покупателей» у себя.

Знание особенностей камней и горных пород, поиск их по характерным отличительным признакам, особенные приемы и навык их обработки требовались уже для изготовления каменных орудий в эпоху неолита и бронзы, то есть за несколько тысячелетий до нашей эры.

Например, сотрудниками Алтайского и Томского Университетов Ю. Ф. Кирюшиным и А. М. Малолетко при археологических исследованиях в верховьях р. Васюган (левый приток Оби) было обращено внимание на то, что каменные орудия в эпоху неолита и бронзы изготавливались в основном из своеобразной породы, известной у геологов под названием сливных кварцитовидных песчаников. Из таких песчаников изготовлена основная масса наконечников стрел и дротиков, скребков и проколов с ряда поселений. Причем найдены были либо целые орудия, либо их обломки. Никаких мелких отходов (сколы, чешуйки), которые напоминали бы изготовление орудий на месте, при этом не было найдено. Это привело археологов к выводу, что в верховья Васюгана поступали уже готовые изделия. Совместно с крупными знатоками (геологами Западной Сибири) Ю. Ф. Кирюшин и А. М. Малолетко установили, что подобного типа песчаники встречаются только в верховьях р. Кеть, в Приенисейской части Западной Сибири, на расстоянии более 800 км от упомянутых древних поселений, где применялись каменные орудия.

Полагают, что древние горные выработки долгое время служили основным поисковым признаком, которым пользовались русские рудоискатели. Большинство древних выработок на месторождениях Алтая, открытых много веков тому назад неизвестным народом, по данным М. Ф. Розена, проходились для добычи медной руды, из которой выплавляли медь. На соседнем с Алтаем Калбинском хребте в древности добывали также оловянную руду, которая употреблялась в качестве добавки для выплавки бронзы. Много в древности на Алтае и Калбинском хребте добывалось и золота.

Наибольшее внимание старым выработкам, пройденным в далеком прошлом, уделено в своих исследованиях одним из первых российских академиков П. С. Паллас. В его работе под названием «Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и о их подобии с венгерскими, различествующими от копий римских» по поводу результатов изучения древних разработок автором сообщалось, что «штольни их были круглые и весьма тесные без всяких подпор и при-

строек в глубину от десяти до двадцати сажень. Такие старинные разрабатывания руд открыты в славной Змеевской горе, наиболее изобилующей дорогими металлами, и там найдены были не только кирки и другие рудокopные инструменты, похожие почти на наши, ныне употребляемые, однако медные, но и каменные молоты, укрепленные в деревянной рукоятке здоровыми ремнями. В середине охристой руды найден также скелет человека, придавленного обвалившейся землею; по сторонам обрудневших его костей лежали служившие ему в добывании руды орудия и кожаная сумка, наполненная изобильною золотом охрою». Паллас высказывал предположение, что древние рудокopы Алтая являлись предками венгров, которые, как известно, относятся к угро-финской группе народов, частично переселившихся в Европу из-за Урала.

Древние разработки на левом берегу Иртыша в 1911 г. изучал В. А. Обручев. Найденные там древние каменные орудия – молоты, топорики и жернова для растирания золотосодержащего кварца, изготовлены, как писал В. А. Обручев, из самых прочных местных пород.

По сообщениям Ивана Лейбе, бывшего в 1764 г. управляющим Змеиногорским рудником, а также академиков И. И. Фалька и И. С. Палласа, при разработке древних золотоносных отвалов применялись дробление и промывка породы.

Я. И. Сунчугашев и другие исследователи в своих трудах приводят также примеры, свидетельствующие о древней металлургии на территории Сибири.

В 1983 г. впервые был опубликован новый оригинальный материал археологов Ленинграда, Барнаула, Новосибирска, Омска с детальными исследованиями находок древнего литейного производства на территории Сибири.

В частности, независимые исследования И. Г. Глушкова и А. И. У майского с М. А. Деминым относят находки копий и других бронзовых изделий, найденных при раскопках в лесостепном Алтае и среднем течении Иртыша, к Самусьско-Сейминскому хронологическому пласту (XV–XIII вв. до и. э.). Авторы полагают, что здесь же находились и очаги производства на своей сырьевой базе.

С. Ф. Дмитриеву, Ю. Ф. Кирюшину и М. Д. Старостенкову применение количественного спектрального, металлографического анализов, рентгеноскопии и других методов исследования древних бронзовых и железных изделий лесостепного Алтая позволило выявить высокий уровень металлургического производства древних жителей. Уже в I тыс. и. э. на территории Сибири применялись такие технологические приемы, как сварка, цементация, закаливание и обжиг.

Военные, торговые и промысловые походы россиян в период становления Российской Империи (XI–XVII вв.)

Уже в XI в. Пермия, окрестности Печерские и Югра попадают в зависимость к русичам. Это происходило в период правления великого князя Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.), славного в истории, в частности тем, что «не приобретал *оружием* новых земель».

От Нестора мы узнаем, что, по сказанию исландцев, в начале XI в. на берегах Двины был торговый город, куда съезжались скандинавские купцы, и где как-то норвежцы, будучи в Пермии, ограбили кладбище и украшения финского идола.

Жители Пермии торговали ценностями своей земли (солью, железом, мехами) с норвежцами и даже с камскими (волжскими) болгарам, сообщаясь по судоходным рекам.

Нестор – Карамзин пишут: «Занимаясь рыбной и звериной ловлей, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они (жители Пермии) спокойно наслаждались независимостью, до самого того времени, как смелые и предприимчивые Новгородцы сблизились с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава.

Сия земля, от Белоозера до реки Печоры, была названа Заволочьем, и мало-помалу заселена выходцами Новгородскими, которые принесли туда с собой и Веру Христианскую... и Новгородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения Сибири через своих Югорских данников, которые выменивали оные у тамошних обитателей через железные орудия и другие дешевые вещи».

Карамзин, в частности, приводит пример из Хлыновского летописца о первом заселении нынешних районов Удмуртской республики, Республики Марий Эл, Пермской и Кировской областей русичами.

В 1174 г. некоторые жители Новгородской земли, отчасти из-за внутренних раздоров, отчасти из-за перенаселенности, решили выехать за пределы отечества и, доплыв Волгой до Камы, поселились на ее берегу. Но, зная, что далее к Северу обитают народы в лесной стране, изобильной дарами природы, многие из этих выходцев отправились вверх до устья Осы, повернули к западу, дошли до р. Чепец (приток Камы) и, плывя ею вниз, «покорили бедные жилища вотяков». После этого они вошли в реку Вятку, и на правом ее берегу, на высокой горе, увидели красивый городок, окруженный глубоким рвом и валом. «Место полюбилось Россиянам, они захотели овладеть им и навсегда там остаться...»

Вторая часть той же группы новгородских «переселенцев» также оставила свое временное поселение на Каме и, решив искать другого жилища, пришла на судах к устью Вятки, добралась вверх по реке до города черемисов (мари) Кокшарова (ныне Котельнича) и завладела им.

Во времена, когда под гнетом Золотой Орды русские великие князья принуждены были изыскивать средства для Орды и гасить внутренние раздоры, они остро нуждались в поступлениях средств из Пермии и Югры. При этом они постоянно входили в трения с новгородцами, которые по привычке считали эти земли своей вотчиной. В частности, Иван Калита, частыми путешествиями в Орду доказывая свою преданность хану, поддерживал спокойствие в областях на Руси. Зная, что новгородцы, торгуя на границах Сибири, доставали много серебра из-за Камы, Иван Калита требовал и для себя, а получая отказ, начинал вооружаться и предпринимал собственные походы.

Дмитрий Донской, готовясь к решительной борьбе с Ордой, вознегодовал на новгородцев, из которых многие «под названием охотников» составляли тогда целые полки и без всякого сношения с князем ездили на добычу в места отдаленные. Так они (в 1364 г.) «ходили по Оби до самого моря с молодым Вождем Александром Обакуновичем (Абакуновичем) и

сражались не только с иноплеменными Сибирскими народами, но и со своими Двинянами. Сей же Александр и другие смельчаки отправились вниз по Волге на 150 лодках; умертвили в Нижнем великое число (купцов) Татар, Армян, Хивинцев, Бухарцев; взяли их имение, жен, детей; вошли в Каму, ограбили многие селения в Болгарии и возвратились, хвалясь успехом и добычею».

Но уже в период правления Ивана III, когда, по выражению Карамзина, история России прекращает быть описанием «бессмысленных драк Княжеских», объединение русских земель вокруг Москвы, как и присоединение новых областей и регионов, становится государственной политикой.

Уже в первое десятилетие своего правления (1462–1472 гг.), поначалу потерпев ряд неудач, Иван III походами на Казань добился заключения мира *на всей воле Государя Московского*, то есть обязательств исполнять все его требования.

Древняя Пермия или Пермь, хотя еще с XI в. платила дань русичам, в гражданских отношениях зависела от Новгорода, а в церковных от митрополита Московского, однако «всегда имела собственных Властителей и торговала, как Держава Свободная».

Между тем, помня, что еще Ивана Калиту прельщали из Пермии меха драгоценные и серебро, называвшееся закамским, великие князья, уже присвоив Вологду – часть древней Пермии, желали овладеть ею всей.

Поэтому, получив передышку в борьбе с Казанской Болгарией и укрепив свои позиции с Новгородом, Иван III воспользовался первым же благоприятным случаем. «В Перми обидели некоторых Московитян, сего было довольно для Иоанна, он послал туда Князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу».

Победа над Пермской ратью близ города Искора была убедительной. «Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и Князь Феодор (возглавлявший Российское войско) прислал к нему, вместе с пленными, 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 *поставов* Немецкого сукна, 3 панциря, шлем и две сабли булатные». Это завоевание приблизило восточные границы Московских владений вплотную к Уральскому хребту и обещало большие торговые выгоды.

Но, наконец, и «Новгород покорился Иоанну, более шести веков сльв в России и в Европе Державою народною».

Окончательное подчинение Новгорода привело, в частности, к тому, что в 1505 г. Москвой первым российским наместником в Великой Перми был поставлен князь Василий Андреевич Ковер.

Заслуживает внимания дальнейшая история уже упоминавшейся нами малой Вятской Республики, чьи первые поселенцы (приплывшие из Новгородской земли) начали обычным разбоем и изгнанием коренного населения с обжитых ими мест. Прослеживая далее жизнь этих «демократов» из «Державы народной», летопись говорит, что этот народ, «... мало-помалу усиливаясь размножением людей, более и более успевая в гражданском хозяйстве, вытеснил первобытных жителей из мест привольных, загнал их во глубину болотистых лесов, овладел всею землею между Камой и Югом, устьем Вятки и Сысолою, начал было торговать с Пермскими, Казанскими Болгарами, с восточными Новгородскими и Великокняжескими областями, но еще не довольный выгодами купечества, благоприятствуемого реками судоходными, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и своих соплеменников».

Разбойным нападениям этих русских норманнов подвергались в основном области бывшей Пермии (Вологодские, Устюжские, Двинские земли) и Волжско-Камская Болгария. Эта вольность разбойная, разумеется, не нравилась ни правителям Орды, в подданстве которой находилась Болгария, ни князьям Московским, постоянно усиливавшим свое правление над областями Пермии. Поэтому «Тохтамыш выжег ее (Вятской республики) города, сын Донского

присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки».

Именно к правлению Ивана III относятся и первые государственные экспедиции по изучению недр Каменного Пояса, к которому вплотную уже приблизились границы Русского государства. Нужны были золото, серебро, медь для чеканки монет. До этого пользовались исключительно чужими драгоценными металлами, получаемыми за счет внешней торговли и мены с сибирскими народами через Югру. Но и этот последний источник к XV в. совсем оскудел, так как в договорах и летописях этого века уже нет ни слова о *серебре закамском*.

Но издавна были слухи, что северные страны, близ Каменного Пояса, изобилуют металлами. Присоединив к Московской державе Пермью, Иван III начал искать людей, сведущих в горном деле. И в 1491 г. два немца (фамилии остались неизвестны) и россияне Андрей Петров и Василий Болтин отправились из Москвы искать руды серебра в окрестности Печоры. Они возвратились через 7 месяцев, с известием, что нашли серебряную руду вместе с медной на реке Цыльме «в общем пространстве десяти верст». «С того времени, – пишет Карамзин, – мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра». С этим событием, вероятно, связана отмечаемая энциклопедиями колонизация бассейна рек Цыльмы, Ижмы и Печоры коми и русскими.

Также в период правления Ивана III была присоединена к России и Югра, причем последовательность или «механизм» экспансии был обычный. По свидетельству одного летописца, еще в 1465 г. устюжанин Василий Скряба «с толпой вольницы ходил за Уральские горы воевать Югру и привел в Москву двух тамошних Князей, Калпака и Течика; взяв с них присягу в верности, Иоанн отпустил сих Князей в отечество, обложил Югру данию и милостиво наградил Скрябу».

Однако это завоевание, сообщает летописец, было «мнимым», действительность не соответствовала «договоренности». Как и в описанном выше случае, когда «обидели Московитянина в Перми», это стало поводом для организации военного похода на Югру.

В 1483 г. Иван III отрядил воевод князя Федора Курбского Черного и Салтыка Травина с полками устюжскими и пермскими на вогуличей и Югру. Близ устья р. Пельнь (ныне Пелым – один из истоков Тавды) Московские воеводы разбили князя Вогульского – Юмшана. Затем они прошли вниз по реке Тавде «мимо Тюмени до Сибири» (бывшее поселение Сибирь в 16 верстах от нынешнего Тобольска), а оттуда так же берегом Иртыша до Оби, в землю Югорскую, пленили ее князя Молдана и с богатой добычей возвратились через пять месяцев в Устюг. При посредничестве епископа Пермского Филофея «Владетели Югорские требовали мира и присягнули в верности близ устья Выми (один из истоков Вычегды). А Юмшан Вогульский с Епископом Филофеем сам приезжал в Москву на приеме у Великого Князя, после чего начал платить дань».

Но окончательное покорение Москвой этих земель произошло только в 1499 г., когда князя Симеон Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Бражник во главе 5 000 устюжан, двинян и вятчан добрались разными реками до Печоры, заложили на ее берегу крепость и 21 ноября отправились на лыжах к Каменному Поясу. Летопись описывает труднейшие условия, в которых они шли через горы в самую пору жестоких холодов, и поневоле проникаешься чувством глубокого уважения и восхищения мужеством этих людей... Но тут же (о, варварские времена!) читаешь со столь же глубокими чувствами печали и негодования: «Там встретили Россияне толпу мирных Самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей». Описывая подобные исторические факты, Карамзин оговаривается, что в то время военное право в мире было варварским, и всякие злодеяния в неприятельской стране считались законными. Подсчитано, что участники похода прошли в общей сложности 4650 верст, пока не достигли городка Ляпина (в Березовском районе, где и р. Ляпин, приток Сев. Сосьвы). Вскоре к ним съехались (на длинных санях, запряженных оленями) «владетели Югорские, земли Обдорской, предла-

гая мир и подданство Государю Московскому». На это время похода воеводы также ехали на оленях, а воины на собаках, держа в руках огонь и мечи для истребления бедных жителей. Воеводы взяли 40 городов (имеются в виду укрепленные острогом), более тысячи пленников и 50 князей, обязали всех жителей (вогулов, югорцев, или остяков, и самоедов) клятвой верности и благополучно вернулись в Москву к Пасхе.

В царствование Ивана Грозного, после взятия Казани (в 1552 г.) и Астрахани (в 1554 г.) – столиц наследных ханств бывшей Орды – слух об этих завоеваниях проник и в отдаленную Сибирь, известную тогда лишь как средняя часть будущей Тобольской губернии. В России знали о Сибири от югорских и пермских жителей. Правил этой Сибирью князь монгольские, потомки Батыева брата Сибана (или Шибана). Вероятно, что они в период царствования Ивана IV имели отношения с Россией и даже признавали некоторую зависимость от ее царя, поскольку Иван Грозный уже в 1554 г. именовался в грамотах Властителем Сибири, но летописи, изученные Н. М. Карамзиным, «молчат о том до 1555 года». В этом году князь сибирский Едигер прислал двух чиновников в Москву поздравить государя со взятием Казани и Астрахани. Кроме поздравлений, Едигер вынужден был платить дань Российскому государству «с условием, чтобы мы (Россия) утвердили спокойствие и безопасность его земли». Договорились в следующем: в этом ограниченном ханстве, называвшемся тогда Сибирью, по данным чиновников, проживало в то время 30 700 жителей, с каждого из которых Едигер обещал ежегодно присылать по соболю и белке. Однако через год представитель Ивана Грозного в Сибири вернулся с послом Едигера и лишь 700 соболями. Царь велел заключить сибирского посла в темницу, и в 1558 г. «Едигер доставил в Москву дань полную, с уверением, что будет впредь исправным плательщиком. Таким образом, Россия открыла себе путь к неизмеримым приобретениям на Севере Азии, неизвестным дотеле ни Историкам, ни Географам образованной Европы».

Таким образом, вначале Иван III, а затем и его внук Грозный обложили данью вначале Югорские земли, а затем Монгольскую (или Татарскую) державу, называемую тогда Сибирью. Последняя состояла в то время из древних улусов Ишимских и Тюменских, или Шибанских, известных в России с 1480 г. и названных так, вероятно, «по имени брата Батыева, Шибана, Единовластителя Северной Азии, на Восток от моря Аральского».

История Сибирского ханства трактуется по-разному.

Согласно Советской энциклопедии, Сибирское ханство – татарское полуфеодалное государство, создавшееся в XV в. как независимое от Ногайской Орды (которая, в свою очередь, образовалась в XIV в. на развалинах Золотой Орды), со столицей Чинги-Тура (на месте современной Тюмени). Оно охватывало территорию Западной Сибири между реками Тобол, Тура, Иртыш и Обь. Населено было в основном сибирскими татарами и покоренными ими в этой местности хантами, манси и другими местными народами.

Сопоставляя и рассуждая, И. М. Карамзин замечает, что Московские полки, воевавшие в 1483 г. на берегах Иртыша, еще не видели татар в этих местах, где уже существовала крепость Сибирь, в которой властвовал «Князь Лятик, без сомнения Югорский, или Остяцкий. Таким образом, Ишимские Ногайцы, соединясь с Тюменскими, не могли завладеть устьем Тобола раньше XVI в., а следовательно, захватили городок Сибирь, а не основали его».

И вот, как пишет Карамзин, «три купца и беглый Атаман Волжских разбойников дерзнули, без Царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь», что открыло «второй мир для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой... где в недрах земли лежат металлы и камни драгоценные, в глуши дремучих лесов витают пушистые звери...»

Шел век великих географических открытий – в 1492 г. Христофор Колумб высадился в Америке, в 1497–1499 гг. Васко да Гама открыл морской путь в Индию, шла колонизация европейскими государствами неизвестных им стран и материков, захват и ограбление живущих там народов. Обо всем этом, без сомнения, рассказывали послы различных европейских

государств на царских приемах. И любого из Российских царей, услышавших это, мог захватить вселенский ажиотаж по разделу мира.

В 1567 г. на юг за Сибирь были посланы царем с дружественными грамотами к «неизвестным властителям неизвестных народов два Атамана – Иван Петров и Бурнаш Ялычев. Они благополучно возвратились и представили Государю описание всех земель от Байкала до моря Корейского, побывав и в Китае, а по рассказам, узнав также о Туркестане, Бухарин, Кашгаре и Тибете».

Однако не только познавательные экскурсии волновали царей. Господство же России за Уралом было непрочно. Сибирское ханство признало Московского царя верховным властителем, но выплачиваемая дань не устраивала Москву. Кроме того, ханство частыми набегами «тревожило Великую Пермь» на границе России. Не было спокойствия и в российских владениях между Камой и Двиной, где уже издавна селились «привлекаемые туда естественным изобилием земли, дешевизной жизни, выгодами мены с полудикими соседственными народами...» (Составителю нашей «Истории...» трудно судить, по каким критериям оценивали Карамзин и его время степень дикости людей, но, судя по отмеченной фразе, обязательным качеством, свидетельствующим об этой «дикости», видимо являлась доверчивость людей, внутренняя убежденность во взаимной честности всякой мены.)

В числе этих свободных поселенцев российских были и купцы Строгановы, Яков и Григорий Иоанникиевы, или Аникины, отец которых разбогател солеварением на Вычегде и, согласно зарубежным летописям, первым открыл торговые пути за Уральские горы.

В качестве активных мер по «обузданию» Сибири Иван IV призвал упомянутых нами братьев Якова и Григория Строгановых, «как людей умных и знающих обстоятельства северо-восточного края России; беседовал с ними, одобрил их мысли». Царь дал им права на «пустые места, лежащие вниз по Каме от земли Пермской до реки Сылва, и берега Чусовой до ее вершины», позволил им там ставить крепости против набегов «от Сибирских и Ногайских хищников». Строгановым разрешено было иметь любое вооружение, воинов на своем обеспечении, принимать к себе любых вольных людей (но не беглых и не крепостных), самим судить своих людей, не обращаясь к Пермским наместникам. Царь освободил их от необходимости возить и кормить проезжих послов московских и сибирских, разрешил строить селения и развивать промыслы, а если случится найти серебряную, медную или оловянную руду, немедленно извещать Государственное Казначейство.

Пользуясь предоставленными правами, деятельные и богатые Строгановы с 1558 по 1570 гг. построили городки, крепости и остроги на берегах Чусовой и Сылвы, создали войско, распоряжались и судили своих людей, как князья, «обороняли Северо-Восток России и в 1572 г. смирили бунт Черемисы, Остяков, Башкирцев, одержав знатную победу над их соединенными толпами...» «Сии усердные стражи земли Пермской, сии населители пустынь Чусовских, сии купцы-Владельцы, распространив пределы обитаемости и Государства Московского до Каменного Пояса, устремили свою мысль и далее».

Здесь мы вновь оговоримся. Для объективности комментария относительно усмирения бунта нерусских народов и «населителей пустынь» приведем еще фразу из Советской Энциклопедии о Строгановых: «Строгановы... захватывали земли у сибирских народов и заселяли их русскими крестьянами».

Но продолжим повествование. По данным Карамзина, Кучум, утвердив власть над Тобольскою Ордой, усилившись степными киргизами и ногайцами, прекратил выполнять обязанности данника Москвы, тайно поддерживал связь с черемисами. Он настраивал черемисов к бунту против Москвы и под угрозой смертной казни запрещал остякам, югорцам, вогулам платить дань России. Прослышав про настроенные Строгановыми крепости, в июле 1573 г. Кучум послал на разведку своего племянника Маметкула. Как рассказывает летопись, Маметкул убил несколько верных России остяков, пленил их жен и детей, а также московского посла

Третьяка Чебукова, ехавшего в Киргиз-Кайсакайскую Орду, но, разведав, что в Чусовских городках много пушек и воинов, повернул назад. Строгановы не преследовали его, но сообщили о происшествии царю и попросили грамоту, которая позволяла им «строить крепости на земле Сибирской, чтобы стеснить Кучума в его собственных владениях и навсегда утвердить безопасность наших». 30 мая 1574 года такая грамота была им выдана. Она позволяла им укрепиться на берегах Тобола и вести войну с Кучумом *«для освобождения первобытных жителей Югорских, наших данников, от их ига... набираться там опыта по изготовлению железа, меди, олова, свинца, серы, а также беспошлинно торговать»*.

Братья Яков и Григорий Строгановы, однако, до конца жизни так и не воспользовались полученными правами (не смогли или не захотели), оставив «свое богатство, ум и деятельность в наследие меньшему брату Семену, который вместе с племянниками, Максимом Яковлевым и Никитой Григорьевым, счастливо осуществил их славное намерение...»

Однако и они не решились его осуществлять своими руками, призвав для этого к себе на службу все ту же разбойную вольницу.

Мы уже упоминали такие походы, когда целые полки «охотников» во главе с Александром Абакуновичем в 1364 г. ходили по Оби до самого моря, сражались с иноплеменными Сибирскими народами, захватывая в плен семьи и имущество побежденных, а затем разбойничали и на Каме, в Болгарии.

Теперь Строгановы обратились к буйным атаманам волжским, к которым принадлежали тогда Ермак Тимофеев, Иван Кольцо, осужденный царем на смерть, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мерещак, «известные удалством редким». «Слыша, как они ужасают своей дерзостью не только мирных путешественников, но и все окрестные Улусы кочевых народов, умные Строгановы предложили сим пяти храбрецам службу честную; послали к ним дары, написали грамоту ласковую (6 апреля 1579 г.) убеждали их отвергнуть ремесло, недостойное Христианских витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Белого... идите к нам оборонять Великую Пермь и Восточный край Христианства». Атаманы даже «прослезались», читая послание. И откликнулись: собрали 540 отважных бойцов и 21 июня прибыли к Строгановым.

«Чего хотели одни, что обещали другие, то исполнилось, – говорит летописец. – Атаманы стали грудью за область Христианскую. Неверные трепетали; где показывались, там гибли». Известно, например, что 22 июля 1581 г. казаки разбили наголову Мурзу Бегулия, пытавшегося с семьями вогуличей и остяков грабить селения на Сылве и Чусовой.

Но вот Строгановы приступили к главной своей задаче: под командованием Ермака Тимофеевича и его казаков, собрав дружину из 840 русских, татар, литовцев и немцев, выкупленных Строгановыми из неволи у ногайцев, и добыв современного оружия, Строгановы объявили поход на Сибирь. «Кто хотел чести, кто добычи; Донцы надеялись заслужить милость Государеву (прощение за совершенные преступления), а Немецкие и Литовские пленники свободу».

Мы не станем здесь описывать поход Ермака и его битвы в Сибири. Они должны быть известны читателю хотя бы в общих чертах. Следует полностью согласиться с причиной того, что определило победы Ермака над намного превосходящим по численности противником, которое дается у Карамзина: «...вооруженные стрелами и копьями... северные Монголы и татары не умели воспользоваться изобретением пороха и в конце XVI в. действовали единственно оружием времен Чингисовых».

Вначале Ермак уже одержал победу над самим Кучумом, бежавшим после битвы, и над его племянником Маметкулом, взятым в плен, так что остяки и вогулы, пожелай они перейти на сторону Ермака, могли уже не бояться мести разбитых наголову сибирских татар.

Но этого не произошло. «Далее начинались Юрты Остяков и Кондинских Вогуличей; там, на высоком берегу Иртыша, Князь их Демьян, имея крепость и в ней две тысячи воинов, готовых к битве, отверг все предложения Ермака».

Покоривши и эту волость, «Атаманы вступили в страну знатнейшего Князя Остяцкого Самара, который соединился с другими осьмью Князьками и ждал Россиян для битвы, чтобы решить судьбу всей древней земли Югорской. Хвалясь мужеством и силою, Самар забыл осторожность; спал крепким сном вместе с войском и стражею, когда Атаманы в час рассвета ударили на его стан; пробужденный шумом, он схватил оружие и пал мертвый от первой пули; войско разбежалось...»

В Москве к тому времени правил уже Борис Годунов, который довершил завоевание Сибирского Ханства. Еще не зная о гибели Ермака, но прослышав об ослаблении его отряда из-за болезней и голода, он немедленно выслал отряд стрельцов под командованием воеводы Ивана Мансурова, а также воевод Василия Сукина, Ивана Мясного и Данила Чулкова с большим войском и огнестрельным оружием.

По совету казаков, Мансуров со стрельцами поплыли далее Иртышом, несмотря на осень, холод и морозы и, выйдя на берег при впадении Иртыша в Обь, основали деревянную крепость.

Воеводы Сукин и Мясной остановились на берегу Туры и на месте города Чингия (Чинги-Тура) основали город Тюмень.

Чулков заложил Тобольск и в нем в 1587 г. первую в Сибири христианскую церковь. Когда князь Сейдак, сменивший Кучума, подступил к Тобольску с войском, Чулков сообщил Мансурову и Мещеряку и, соединясь с ними, разбил Сейдяка. По другому преданию, Чулков пригласил к себе в гости Сейдяка и других его князей, там связал и отправил в Москву.

Позднее был еще поход нового воеводы Сибирского, князя Кольцова-Мосальского, который «ходил во глубину пустынь Ишимских и 1 августа 1591 года близ озера Чили-Кула истребил большую часть конницы изгнанника Кучума, который с шайками Ногайцев разбойничал в Барабинской степи».

Так завершилось падение Ногайского Иртышского ханства. Столицей Сибири стал Тобольск.

Россияне все более и более укреплялись в Сибири заложением новых городов от Печоры до Кети (приток Оби в Томской обл.) и Тары (приток Иртыша в Омской обл.) для безопасного сообщения с Пермью и Уфой. В 1592 г. были основаны Пелым, Березов, Сургут, в 1594 Тара, в 1596 Нарым и Кетский Острог – «неодолимые твердыни для диких Остяков и Вогуличей» (для освобождения которых, между прочим, согласно царской грамоте, как помнит читатель, россияне, собственно и были направлены в Сибирь).

Впрочем, мудрый и благоразумный Годунов, кроме воинов, стрельцов и казаков, посылал в Сибирь и земледельцев из Перми, Вятки и других областей Московского государства, закрепляя это важное приобретение для обеспечения государства новыми доходами. Он указал, в частности, «...земледельцев казенных и самых диких жителей Сибирских освободить от податей на год». И весьма предусмотрительно: в 1586 г. Сибирь доставляла в казну 200 000 соболей, 10 000 чернобурых лисиц и 500 000 белок, не считая бобров и др.

С тех пор, уже не имея военных действий, Россия продолжала заниматься основанием в Сибири новых городов – Верхотурья в 1598 г., Мангазеи и Туринска в 1600 г., Томска в 1604 г., населяя их, в основном, литовскими и малороссийскими казаками.

Согласно «Краткому историческому очерку административных учреждений Горного ведомства в России 1700–1900 гг.» (СПб.: Типография Г. А. Бернштейна, 1900), уже в XVI в. усиливается поиск руд, в первую очередь, таких, которые необходимы для приготовления монеты, но и разных других, в том числе железных, причем этим занимаются уже не только по заданию правительства, но и частные лица. Как утверждает в этом издании, «одно время рудоискательская горячка охватила все сословия, и в XVII в. и духовные, и военные, и купцы, и иностранцы и другие лица пытались счастье в горном деле». Разведочные работы производились частью самостоятельно русскими людьми, частью под руководством приглашаемых правительством иноземных рудознатцев, по всему пространству тогдашних новых владений Мос-

ковского Государства: по Двине, Мезени, Печоре, Цильме, на Урале, в Сибири до Нерчинска и даже в таких труднодоступных в то время местностях, как Югорский шар на самом Севере.

В качестве примера можно назвать «Наказ **Дьяку Василию Шпилькину**, отправленному для отыскания серебряной руды на Канином Носу, на Югорском Шаре и близ реки Косвы», от 12 мая 1661 г.

В другом указе от 1666 г. говорится «О всевозможном всепомоществовании, отправленным из Москвы для сыска в Кевроли и на Мезени серебряной и других руд рудознатцам **Князьям Милорадовым и Стрелецкому сотнику Некрасову**», а в Указе Петра Первого от 18.12.1696 г. – «О посылке в Томск Грека Александра Левандианы для изыскания в Сибири серебряной руды и о размножении рудников».

Организация геологической работы в то время описана А. К. Трошиным на примере Л. К. Кислянского в Трудах Института истории естествознания и техники (Т. 3. История геологогеографических наук, горной и металлургической науки. М.: Изд-во АН СССР, 1955).

Леонтий Константинович Кислянский с 1671 г. по 1678 г. состоял живописцем при Посольском приказе в Оружейной палате в Москве, где по своему профилю работ приобрел многочисленные познания в химии, красках и пр. Много читал. В 1680 г. был назначен в Енисейск письменным головой. В марте 1684 г. получил наказ «...проводывать у иноземцев и у русских людей всякими мерами накрепко...» о месторождениях руд, красок и нефти. Будучи письменным головой небольшого иркутского острога, проявил себя известным организатором поисков полезных ископаемых в Восточной Сибири, знатоком в определении и исследовании красок, селитры, графита, первооткрывателем признаков нефтеносности в Сибири. В частности, Л. К. Кислянский докладывал о найденной слюде по рекам Уре и Ангаре и около Байкала, о голубой краске по реке Витиму, о месторождении графита, о селитряных землях, о признаках нефти в скважине при впадении реки Иркут в Ангару и др.

Недавние исследования ученых Томского университета относят к этой эпохе средневековья (XV–XVII вв.) и освоение в Сибири железодельного производства из местных руд. Археологи А. М. Малолетко, А. В. Мананко и О. Ю. Паскаль, рассматривая вопросы производства железных изделий в Томском Приобье, по материалам городища Шеломок, получили результаты металлографических и металлофизических исследований и сделали вывод о всем применяемом технологическом процессе.

Сидеритовые руды добывались по берегам Томи выше устья р. Ушайки. Руда дробилась на небольшие (около 5 см) обломки, которые обжигались на костре в течение нескольких часов и измельчались затем до порошка. В ближайших старинных озерах или на низинных болотах добывали флюсы – довольно рыхлые скопления хемогенного кальцита с обильными раковинами моллюсков и заметно запесоченные.

В суглинистом грунте делалось углубление со сферическим дном, над которым создавалась из крупных галек и, очевидно, сланцевых плиток, найденных в большом количестве на городище, наземная конусообразная часть печи. Гальки и плитки скреплялись влажным суглинком, который добывался на месте. Печь обмазывалась глиной и затиралась рукой.

Для отделения железа от руды, которая представляла из себя полуторную окись железа, требовалось удалить атомы кислорода. Это осуществлялось с помощью древесного угля, который для окисления (сгорания) требует значительное количество кислорода.

Расплав руды испытывал гравитационную дифференциацию – более тяжелые частицы железа опускались вниз, легкие шлаки всплывали. Шлаки удалялись из печи, вероятно, не за один прием.

Экспериментально учеными установлено, что температура, которая создавалась в таких печах, достигала 1230–1250 °С. Получаемое кричное железо, найденное в раскопках, изучалось под микроскопом. В шлифах отмечались прожилки шлака и множество более рассеянных шлаковых включений.

Вероятно, кричное железо подвергали проковке, в ходе которой крупный шлак выкрашивался. Несколько кусков кричного железа могли свариваться в нагретом состоянии, мелкие изделия изготавливались в результате одной плавки.

Все это позволило археологам сделать вывод о том, что к XVII в. население Томского Приобья полностью освоило железоделательное производство, разрабатывая местные руды и производя все необходимые предметы.

Интересные сведения о железоделательном производстве приводит А. Р. Пугачев. **Кузнец Федор Еремеев** обнаружил железные руды в окрестностях Томска. Полученное из них железо было подвергнуто в Москве плавке, которая, как пишет автор, дала блестящий результат. Царской грамотой было предписано – из томского железа отливать только артиллерийское вооружение. Вернувшись осенью 1624 г., Еремеев приступил к разработке руды, о чем воевода сообщал в Москву: «Фетка с товарищи железо делают, ломают каменя от города 3 версты, да пережигают, и того де железа родитца мало» (*Пугачев А. Р. Федор Еремеев – первооткрыватель железных руд Сибири // Вопросы географии Сибири. 1949. Вып. 1. С. 105–121*).

В XVII в. начинают возникать в России железоделательные заводы, которые строятся или правительством, или частными лицами, преимущественно иностранцами, при содействии и помощи правительства. Первый железоделательный завод был построен правительством на восточном склоне Урала, затем появляются частные заводы в средней России, близ Тулы и Москвы, затем на Севере – в Олонецком крае.

1611 г. – этим временем закончил Н. М. Карамзин свою «Историю Государства Российского», сведениями которой мы столь часто пользовались в нашем повествовании.

Основные шаги и проблемы по освоению Сибири в XVII в. и позднее представляется возможным показать, перелистав «Полное собрание законов Российской Империи», с 1649 г., начатое первым изданием в период царствования Петра Первого, а также энциклопедические справочники и другие материалы.

В предисловии к «Полному собранию законов...» подчеркивается, что законы отображают внутреннюю жизнь государства: в них видно, как нравственные и политические его силы складывались, прогрессировали и изменялись. «История Государства без познания Законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так же как, с другой стороны, и Законы без Истории часто могут быть не понимаемы». Кроме того, в законах отражаются самые острые экономические проблемы, решаемые государством в тот или иной период.

Здесь видна расширяющаяся на Север и Восток география Российской Империи.

Еще задолго до знаменитых Камчатских экспедиций проходило познание Севера Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока первыми землепроходцами и мореходами. Их целью часто был поиск руд, промысел морского зверя и пушной промысел, а то и попутный захват новых земель, принуждение их населения к дани (так называемое «объясачивание»).

Эти люди проходили через невероятные трудности, обладали исключительным мужеством и отвагой, правда, применяя слова Карамзина, во многом такие качества подпитывались тогда «не желанием славы, но желанием добычи». Однако же их походы несомненно приводили к узнаванию для потомков новых мест для последующих, уже научных или просто более «цивилизованных» походов.

Обычно отсчет этой эпохи *Российских великих географических открытий* начинается после описанного нами ранее похода Ермака (1581–1584). Но надо не забывать и о том, что уже в XI в. русские мореплаватели вышли в моря Северного Ледовитого Океана. Поморы в XII–XIII вв. открыли для себя Вайгач, Новую Землю, в XV в. – Шпицберген, Медвежий (*Бадигин К. С. Ледовые плавания русских поморов с XII по XVIII век. М.: МГУ, 1953*). Не следует забывать и о том, что, вероятно, многое о побережье северных морей и ближайших островах издавна знали и проживавшие там коренные народы (чукчи, ненцы, коряки, эскимосы и др.), также обладавшие средствами передвижения собственной конструкции по суше и по морю.

К первой половине XVI в. относится освоение западного участка Северного морского пути – от Северной Двины до Тазовской губы в устье Оби, получившего название «Мангазейского морского хода». К 1572 г. в низовьях реки Таз появился первый поморский полярный порт, на месте которого в 1601 г. возникла «златокипящая» Мангазея – форпост дальнейшего освоения Северного морского пути.

Вторым направлением освоения Севера и Востока были экспедиции, осуществлявшиеся по рекам Восточной Сибири.

Кондратий Курочкин в 1610 г. прошел от верховьев (Маковский острог) до устья Енисея.

Промышленник **Пенда** в 20-х гг. XVII в. поднялся от устья Нижней Тунгуски до ее истоков.

Максим Перфильев в 1627 г. и 1639 г. совершил путешествия по Ангаре и верховьям Лены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.